Вестник Череповецкого государственного университета. 2023. № 5 (116). С. 245–266.
Cherepovets State University Bulletin, 2023, no. 5 (116), pp. 245–266.

Научный отчет
УДК 81
EDN: ZLDBCZ

Лингвистические и литературные ландшафты в прошлом и настоящем: материалы заседания круглого стола

Елена Николаевна Ильина[1], Ольга Николаевна Крылова[2], Наталия Георгиевна Мельникова[3]✉, Татьяна Николаевна Бунчук[4], Лилия Фаатовна Килина[5], Елена Ивановна Колосова[6], Наталья Львовна Фишер[7]

[1]Вологодский государственный университет,
Вологда, Россия
[1]filfak@list.ru, https://orcid.org/0000-0002-1797-8959
[2]Институт лингвистических исследований РАН,
Санкт-Петербург, Россия
[2]krylova_olga2004@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-6887-4316
[3]Череповецкий государственный университет,
Череповец, Россия
[3]mihovang@yandex.ru✉, https://orcid.org/0000-0003-0108-9206
[4]Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина,
Сыктывкар, Россия
[4]tnbunchuk@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-7597-2726
[5]Удмуртский государственный университет,
Ижевск, Россия
[5]kilin_74@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-5001-1822
[6]Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Казань, Россия
[6]hkolosova@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-3813-9978
[7]Международная школа Alpha Aktiv,
Гейдельберг, Германия
[7]Tascha5@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-0227-8335

Аннотация. Представленная статья содержит материалы заседания круглого стола «Лингвистические и литературные ландшафты в прошлом и настоящем», проведенного в рамках IV Всероссийской научной конференции, посвященной памяти А. В. Камкина. На заседании прозвучали доклады участников по самым актуальным вопросам современной лингвистики. Авторы обратились к разным аспектам изучения заявленных проблем, совместный подход в обсуждении помог по-новому взглянуть на изучаемые явления на разных синхронных срезах. Исследователями показаны новые решения заявленных задач, совместно обсуждены дальнейшие перспективы развития истории, диалектологии, лингвистической географии, практики перевода.

© Ильина Е. Н., Крылова О. Н., Мельникова Н. Г., Бунчук Т. Н., Килина Л. Ф., Колосова Е. И., Фишер Н. Л., 2023

Ключевые слова: диалектология, лингвистическая география, ландшафт, ареал, перевод
Для цитирования: *Ильина Е. Н., Крылова О. Н., Мельникова Н. Г., Бунчук Т. Н., Килина Л. Ф., Колосова Е. И., Фишер Н. Л.* Лингвистические и литературные ландшафты в прошлом и настоящем: материалы заседания круглого стола // Вестник череповецкого государственного университета. 2023. № 5 (116). С. 245–266.

Linguistic and literary landscapes in the past and present: Proceedings of the roundtable meeting

Elena N. Ilyina[1], Olga N. Krylova[2], Nataliya G. Melnikova[3]✉, Tatyana N. Bunchuk[4], Lilia F. Kilina[5], Elena I. Kolosova [6], Natalya L. Fisher [7]

[1]Vologda State University, Vologda, Russia
[1]filfak@list.ru, https://orcid.org/0000-0002-1797-8959
[2]Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, St Petersburg, Russia
[2]krylova_olga2004@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-6887-4316
[3]Cherepovets State University, Cherepovets, Russia
[3]mihovang@yandex.ru✉, https://orcid.org/0000-0003-0108-9206
[4]Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, Syktyvkar, Russia
[4]tnbunchuk@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-7597-2726
[5]Udmurt State University, Izhevsk, Russia
[5]kilin_74@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-5001-1822
[6]Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia
[6]hkolosova@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-3813-9978
[7] International Language School Alpha Aktiv Heidelberg, Germany
[7]Tascha5@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-0227-8335

Abstract. The article contains the materials of the round table meeting "Linguistic and literary landscapes in the past and present" held within the framework of the IV All-Russian Scientific Conference dedicated to the memory of A. V. Kamkin. At the meeting, the participants delivered papers on the most topical issues of modern linguistics. The authors addressed different aspects of the stated problems, the collaborative approach in the discussion helped to take a new look at the studied phenomena in different synchronic descriptions. The researchers have shown new solutions to the problems, discussed further prospects for the development of history, dialectology, linguistic geography and translation practice.
Keywords: dialectology, linguistic geography, landscape, areal, translation
For citation: Ilyina E. N., Krylova O. N., Melnikova N. G., Bunchuk T. N., Kilina L. F., Kolosova E. I., Fisher N. L. Linguistic and literary landscapes in the past and present: Proceedings of the roundtable meeting. *Cherepovets State University Bulletin*, 2023, no. 5 (116), pp. 245–266 (In Rus.).

Введение

Ключевой проблемой состоявшихся в марте 2023 года IV Всероссийской научной конференции «Studia borealis: история ландшафтов, ландшафты в истории (источники, методы, проблемы)», посвящённой памяти Александра Васильевича Камкина (1950–2017), стало обсуждение особенностей бытования термина *ландшафт* в различных отраслях научного знания. От определения ландшафта как реально существующего объекта современные учёные пришли к пониманию содержания этого термина как некоего единства материальных (природно-географических, пространственных, экологических и др.), историко-экономических, социокультурных, языковых и прочих систем. В рамках программы конференции состоялось заседание круглого стола «***Лингвистические и литературные ландшафты в прошлом и настоящем***». Были рассмотрены проблемы пространственно-временной и функциональной динамики языков, в том числе особенности реализации языковой политики мультиязыковых государств и территорий. Участники заседания обратились также к феномену историко-культурного ареала, рассмотрев его с точки зрения лингвогеографии и социолингвистики. В заключение были рассмотрены проблемы анализа текста литературного произведения в «ландшафтной» оптике.

Ландшафт в лингвистике: к вопросу о многозначности термина[1]

Мультидисциплинарный научный термин *ландшафт* (от нем. *Landschaft*, вид местности, «образ края») давно и весьма основательно встроился в терминосистему филологических исследований. Семантическим основанием для этого является изначально комплексное определение ландшафта как территории, характеризуемой однородностью происхождения и развития, общностью природных ресурсов, форм и результатов человеческой деятельности. Во многих отраслях гуманитарного знания термин *ландшафт* так или иначе описывает «мир в том виде, в каком он известен и представляется его обитателям»[2]. В лингвистических работах это содержание концептуализируется другой научной метафорой – ***языковая картина мира***, понимаемой как образ мира, эксплицируемый средствами языка. Если в практике описания языковых картин мира ключевой идеей является системная взаимосвязь их предметной, оценочной и акциональной составляющих под влиянием природных условий и социокультурных факторов, то использование термина ***языковой / лингвистический ландшафт*** актуализирует, в первую очередь, связь языковых явлений с некоей территорией, географическим пространством. Неслучайно поэтому исследуемый нами термин оказался востребованным в трудах по диалектологии (лингвистической географии) и социолингвистике, причём каждая из этих наук вкладывает в понимание термина языковой ландшафт своё содержание.

[1] Автор раздела Е. Н. Ильина.

[2] Ingold T. The temporality of the landscape // World Archaeology. 1993. Vol. 25:2. P. 152–174. DOI: 10.1080/00438243.1993.9980235

Работы по диалектологии и лингвистической географии, репрезентирующие *территориальный подход* к осмыслению диалектных различий в языке[1], прибегают к термину *языковой / лингвистический ландшафт* в практике описания лингвистических ареалов и их совокупностей в пределах изучаемой (картографируемой) территории. Так, например, лингвистический ландшафт современной Вологодской области может быть описан как взаимодействие на исследуемой территории северно-русских говоров вологодской, белозерско-бежецкой, ладого-тихвинской групп, а также онежских и лачских межзональных говоров[2]. Изучение лингвистического ландшафта русского языка в работах последних десятилетий сориентировано как на отдельные территории России, характеризующиеся исконным или поздним заселением славянами, так и на репрезентацию русского языка в совокупности его диалектов в мировом пространстве[3], в первую очередь, оно основано на исследовании устной бытовой речи местных жителей, однако как сопутствующие материалы активно изучаются также и образцы письменной речи, преимущественно бытового и мемуарного характера[4].

Исследования по ***социолингвистике*** активно используют термин *языковой / лингвистический ландшафт* в практике изучения языка города или региона, характеризующегося этническим и культурным разнообразием. Данным термином обозначается «множество графических или письменных знаков и текстов, которые доступны наблюдателю в общественном пространстве»[5]: это как статично представленные надписи (вывески, дорожные указатели, билборды и пр.), так и вербальный контент общественных акций (митинги, демонстрации, пикеты и пр.). Язык города изучается с точки зрения его представленности в коммуникативном пространстве: в результате наблюдения, фиксации и анализа различных внешних форм письменной демонстрации языка выявляются средства и способы самовыражения человека в практике решения тех или иных коммуникативных задач, характеризуется общественное многоязычие как результат выбора языка в условиях лингвистической иерархии и межъязыковых контактов, взаимодействие узуса и кодифицированной нормы в практике письменной речи. Изучение языкового ландшафта позволяет обнаружить и исследовать особенности функционирования того или иного языка внутри государства и за его пределами (например, обнаружить очевидный прогресс в использовании русского языка за рубежом в сфере обслуживания, туриндустрии и

[1] Аванесов Р. И. О двух аспектах предмета диалектологии // Общеславянский лингвистический атлас: материалы и исследования. 1965. Москва: Наука, 1965. С. 24–35.

[2] Ильина Е. Н., Ганичева С. А. Основы лингвистической географии Вологодской области: учебно-методическое пособие. Вологда: ВГПУ, 2012. 44 с.

[3] См., например: Лексический атлас русских народных говоров. Том II. Животный мир / ответственный редактор Т. И. Вендина. Москва; Санкт-Петербург: Нестор-История, 2022. 756 с.; Ровнова О. Г. Старообрядцы Южной Америки: очерки истории, культуры, языка. Москва : Издательский Дом ЯСК, 2022.608 с. и др.

[4] Говор северной деревни. URL: https://borbushino.vogu35.ru (дата обращения: 15.03.2023).

[5] Федорова Л. Л. Языковой ландшафт: город и толпа // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2014. Т. 13, вып. 6: Журналистика. С. 70–80.

маркетинговой коммуникации)[1], а также соотнести реальную языковую ситуацию с мероприятиями государственной языковой политики. Лингвистический ландшафт может быть определён как своеобразный её индикатор в отношении языков народов, проживающих на той или иной территории, важный показатель её языкового и культурного разнообразия, индикатор общественных настроений: «степень и плотность присутствия конкретного языка в лингвистическом ландшафте всегда есть показатель значимости, силы, релевантности языка в социуме[2].

Таким образом, использование термина ***языковой / лингвистический ландшафт*** в современных лингвистических исследованиях определяется метафорической природой данного термина, актуализирует пространственную, территориальную составляющую коммуникативной практики языковых коллективов и позволяет описать реальное присутствие на исследуемой территории либо одного языка в некоторой совокупности его диалектов (диалектология, лингвистическая география), либо нескольких языков, взаимодействие которых характеризует языковую ситуацию в социуме и является объектом языковой политики (социолингвистика).

Диалект в структурном и территориальном аспектах: лингвистический атлас и диалектный словарь[3]

Методы изучения и описания говоров, как и методы современной лингвистики, многообразны и связаны с развитием диалектологии как научной дисциплины. Русская диалектология началась в XIX веке с разрозненных описаний диалектных явлений. Собранный в первой половине XIX столетия диалектный материал был обобщен в «Опыте областного великорусского словаря» и «Дополнении»[4] к нему, которые до сих пор являются первыми завершенными сводными словарями русских народных говоров. Создание такого рода труда было подготовлено многолетними работами по литературному языку, всей лексикографической практикой Академии наук и всем ходом общественной и литературной жизни России п. п. XIX в. Словники «Опыта» и «Дополнения» отражают не только территориальную специфику лексики русского происхождения, но и показывают всю полноту русско-иноязычного взаимодействия, отразившуюся на словарном составе говоров.

Как свидетельствуют материалы по истории лексикографии[5], создание диалектных словарей шло весьма активно в конце XIX – начале XX вв., однако с конца 20-х гг. XX в. этот процесс приостановился. В конце 50-х годов все отчетливее про-

---

[1] Подробнее об этом см.: Павленко А. Языковые ландшафты и другие социолингвистические методы исследования русского языка за рубежом // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2017. Т. 21, № 3. С. 493–514.

[2] Шункеева С. А., Жанкина Б. Ж. Лингвистический ландшафт как объект социолингвистических исследований города // Вестник инновационного Евразийского университета. 2020. № 3 (79). С. 18–23.

[3] Автор раздела О. Н. Крылова.

[4] Опыт областного великорусского словаря. Санкт-Петербург, 1852; Дополнение к Опыту областного великорусского языка. Санкт-Петербург, 1858.

[5] История русской лексикографии / ответственный редактор Ф.П. Сороколетов. Санкт-Петербург: Наука, 1998; Козырев В. А., Черняк В. Д. Лексикография русского языка: век нынешний и век минувший. Санкт-Петербург: РГПУ им. А. И. Герцена, 2015.

является необходимость создания такого труда, который обобщил бы в себе все накопленные за многие десятилетия «собирательской» деятельности материалы по диалектной лексике и фразеологии. Так возникает идея создания «Словаря русских народных говоров» (СРНГ)[1] – второго (после «Опыта областного великорусского словаря») сводного словаря русской диалектной лексики.

Замысел Словаря и начало работы над ним сопровождались полемикой, связанной с обсуждением основных направлений развития русской диалектной лексикографии. Нерешенность многих вопросов теоретической лексикографии, слабая изученность вопроса о взаимоотношениях между общенародным языком и диалектами осложняла и обостряла полемику. Споры сводились в основном к трем вопросам: 1) какая лексика должна войти в областной словарь, т. е. должен ли областной словарь включать в свой состав всю лексику, которой владеют носители местных говоров, в том числе и лексику литературного языка, или он должен быть строго дифференциальным; 2) какие цели должен преследовать областной словарь – историко-диалектологические, т. е. быть пособием для изучения современного состояния и истории местных диалектов, или историко-лексикологические, т. е. быть пособием для изучения истории диалектных слов, с географической и, по возможности, хронологической их характеристикой; 3) как относиться к словарным материалам по местным русским говорам, накопленным в XIX – начале XX вв. (можно их использовать при составлении областных словарей или следует от них отказаться).

Принципы описания слов в СРНГ изложены в «Проекте Словаря русских народных говоров» Ф. П. Филина[2]. «Словарь русских народных говоров» сыграл чрезвычайно важную роль в развитии отечественной диалектной лексикологии. Обобщив разбросанные по многочисленным источникам сведения по диалектной лексике, собранной русскими диалектологами более чем за 170-летний период (с начала XIX в. до наших дней), Словарь уже стал одним из крупнейших компендиумов диалектной лексики русского языка. Несмотря на то, что СРНГ является словарем дифференциального типа и по замыслу его авторов «системные связи и противопоставления не будут в нем представлены в полном объеме»[3], он хотя и не полностью, но все-таки выявил границы распространения диалектных слов, наглядно показав существование диалектных различий русских говоров на уровне лексики и словообразования.

После того как в середине XX в. был обозначен тип дифференциального словаря, во многих регионах началось активное составление словарей именно этого типа, описывающих разные говоры.

Другой подход к составлению словарей народных говоров, связанный с лексикографическими идеями Б. А. Ларина и развивающий традиции А. И. Соболевского, А. А. Шахматова, Н. М. Каринского, был ориентирован на максимально полное,

[1] Словарь русских народных говоров / главный редактор Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов, С. А. Мызников. Вып. 1–52. Москва; Ленинград; Санкт-Петербург: Наука, 1965–2021.

[2] Филин Ф. П. Проект «Словаря русских народных говоров». Москва; Ленинград: Академия наук СССР, 1961. 303 с.

[3] Сороколетов Ф. П., Кузнецова О. Д. Очерки по русской диалектной лексикографии. Ленинград, 1987. С. 13.

приближающееся к тезаурусному, описание диалектной лексики, которое дает исследователям богатый материал для сопоставительного изучения лексических систем и микросистем литературного языка и говоров. И здесь стоит выделить фундаментальный лексикографический проект – «Псковский областной словарь с историческими данными»[1]. Этот словарь должен был, по замыслу составителей, отразить тысячелетние связи и культурный обмен русского населения с тесно примыкающими народами прибалтийско-финской группы, с латышами и литовцами, а также с белорусами.

Лексикографическое и монографическое изучение диалектной лексики существенно расширило представления о составе и характере диалектных различий на уровне лексики и словообразования. Со временем пришло осознание не только необходимости, но и перспективности изучения диалектного слова методами лингвогеографии. В 1903 г. по инициативе А. А. Шахматова была создана Московская диалектологическая комиссия, издавшая в 1915 г. «Опыт диалектологической карты русского языка в Европе»[2]. Это был первый опыт лингвистического картографирования диалектов восточнославянских языков, в котором были предложены классификация и группировка этих диалектов и представлены границы диалектного членения русского языка. Дальнейшее развитие советской лингвогеографии связано с работами Р. И. Аванесова и его учеников в Москве, а также с работами ленинградских лингвогеографов (В. М. Жирмунский, Б. А. Ларин, Ф. П. Филин и др.). Общие положения лингвогеографии изложены в книге «Вопросы теории лингвистической географии»[3]. Практическое воплощение этих идей нашло выражение в развернувшейся с середины 40-х гг. XX в. работе над созданием диалектологического атласа русского языка. На основе «Вопросника для составления диалектологического атласа русского языка»[4] был создан пробный атлас небольшой территории – «Лингвистический атлас района озера Селигер»[5]. В 1947 г. была издана «Программа собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка»[6]. В 1957 вышел «Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Моск-

[1] Псковский областной словарь с историческими данными / редакторы А. И. Лебедева и др. Вып. 1–28. Ленинград; Санкт-Петербург, 1967–2020.

[2] Дурново Н. Н., Соколов Н. Н., Ушаков Д. Н. Опыт диалектологической карты русского языка в Европе с приложением очерка русской диалектологии. Москва, 1915.

[3] Аванесов Р. И. Вопросы теории лингвистической географии. Москва: Академия Наук СССР, 1962.

[4] Вопросник для составления диалектологического атласа русского языка. Москва; Ленинград: Академия наук СССР, 1940.

[5] Лингвистический атлас района озера Селигер / Составители: М. Д. Мальцев и Ф. П. Филин. Москва; Ленинград: Академия наук СССР, 1949.

[6] Программа собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка: Академия наук СССР. Институт русского языка. Москва; Ленинград: Академия наук СССР, 1947.

вы»[1]. К началу 80-х гг. был создан сводный «Диалектологический атлас русского языка» (ДАРЯ)[2].

Два крупномасштабных проекта – СРНГ и ДАРЯ несомненное влияние на развитие всей русской диалектологии, более того, они явились базой для рождения нового крупномасштабного проекта общенационального масштаба – Лексического атласа русских народных говоров. Идея создания Лексического атласа русских народных говоров, вдвинутая И. А. Поповым еще в 1972 г., «показать в пространственной проекции основные звенья словарного состава русских народных говоров – лексические и семантические диалектизмы разных тематических и лексико-семантических групп»[3]. За короткий промежуток времени под руководством И.А. Попова была подготовлена масштабная и рассчитанная на многие годы работы «Программа для собирания сведений для Лексического атласа русских народных говоров»[4]. Программа Атласа включает 5821 вопрос, касающийся лексики, типичной для социального уклада, среды обитания и быта сельских жителей и отражающей специфику русской языковой картины мира. Ввиду обширности макросистемы диалектного языка (территориальные границы атласа простираются от Белого до Черного моря, а на востоке – до Урала), Программа строится по тематическому принципу. На сегодняшний день опубликованы два тома ЛАРНГ[5] и идет работа над очередным томом «Ландшафт».

Системный подход к принципам отбора и картографирования материала позволил реально представить всю лексико-семантическую глубину русского диалектного лексикона и сложность его лингвистического ландшафта. Все это открывает перед диалектологами большие возможности в решении задач региональной диалектной лексикографии и лингвогеографии и потребует своего дальнейшего осмысления.

Лингвистический ландшафт историко-культурного ареала: Белозерье[6]

Современное Белозерье представляет собой широкое географическое пространство, включающее несколько районов Вологодской области: Кирилловский, Бело-

[1] Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы. Москва Академия наук СССР, 1957. Т. 2.

[2] Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части СССР. Вып. 1. Фонетика. Москва, 1986; Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части СССР. Вып. 2. Морфология. Москва, 1989; Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части СССР. Вып. 3. Ч. 1. Лексика. Минск, 1997; Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части СССР. Вып. 3, ч. 2. Синтаксис. Москва, 2004.

[3] Попов И. А. Лексический атлас русских народных говоров (Проспект) / редактор Ф. П. Филин. Ленинград: Наука, 1974. С. 3.

[4] Программа для собирания сведений для Лексического атласа русских народных говоров: в 2-х ч. / ответственный редактор И. А. Попов. Санкт-Петербург, 1994.

[5] Лексический атлас русских народных говоров. Т. I. Растительный мир / ответственный редактор Т. И. Вендина. Москва ; Санкт-Петербург: Нестор-История, 2017; Лексический атлас русских народных говоров. Т. II. Животный мир / ответственный редактор Т. И. Вендина. Москва ; Санкт-Петербург: Нестор-История, 2022.

[6] Автор раздела Н. Г. Мельникова.

зерский, Вашкинский, частично – Кадуйский, Череповецкий, Шекснинский. Исторически заселение данных территорий происходило неравномерно. Влияние древних новгородцев и представителей Ростово-Суздальского княжества до сих пор отражается в живой речи жителей данных мест. В советской диалектологии и лингвогеографии[1] говоры данных территорий были определены как межзональные, сочетающие в себе признаки разных частных диалектных систем (Белозерско-бежецкие говоры Ладого-Тихвинской группы).

Наблюдения за живой разговорной речью жителей данной территории свидетельствуют об изменении лингвистического ландшафта за последние 20 лет. Следует отметить, что произошли серьезные изменения ареалов многих диалектных явлений. Так, например, яркие явления в области консонантизма сократили ареал (например, твердое и мягкое цоканье, замена [в] на [w] и др.), в области вокализма изменились незначительно: полное оканье и еканье можно рассматривать как региональную черту, ёканье встречается спорадически только у представителей старшего поколения. Важно указать на тот факт, что за последние полвека многие населенные пункты исчезли с географической карты. Население ушло либо путем миграций (уехали на заработки, получать образование), либо естественным образом. В некоторых случаях деревню заселяют дачники – это состоятельные люди из крупных городов, стремящиеся жить в комфортных природных условиях. Подобное «смешивание» населения приводит к новым языковым реалиям: диалектные фонетические (в том числе интонационный рисунок) и грамматические черты смешиваются и стираются, на лексическом уровне происходит смешение словарного диалектного состава. Некоторые лексемы из словарного запаса «мигрантов» приживаются и начинают функционировать в разговорной речи на новых территориях (например, *пенжак / пиджак, кулятор / микрокалькулятор, фон / айфон, телефон* и обратная ситуация, когда пытаясь «стать своим» городские жители строят *голбец*, выращивают *смороду,* собирают *черницу* и др.).

Интересно рассмотреть изменение лингвистического ландшафта на примере цоканья – яркого диалектного явления, распространенного на территории исторического Белозерья.

А. А. Зализняк в работе «Древненовгородский диалект»[2] указывает: «Во всей древне-новгородской зоне произошло совпадение в единой фонеме (которую можно обозначить как *с’’* [в кириллице – *ц’’*]) продуктов первой и третьей палатализации для **k* и рефлекса сочетания **kj* (в восточно-новгородских говорах также продукта второй палатализации для **k* и рефлекса сочетаний **tj* и**ktj*)». Примеры: *ц’’ѣль, хоц’’еши, пец’’и, пец’’ь* и др.

Наши наблюдения за живой разговорной речью позволили отметить явления твердого и мягкого цоканья достаточно широко: эта фонетическая черта была харак-

[1] См. работы: Аванесов Р. И. Очерки русской диалектологии. Москва: Учпедгиз, 1949; Вопросы теории лингвистической географии. Москва: Издательство Академии наук СССР, 1962; Горшкова К. В. Историческая диалектология русского языка. Москва: Просвещение, 1972.

[2] Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. Москва: Языки русской культуры, 1995. С. 34.

терна для жителей старшего поколения многих населенных пунктов современного Кирилловского района, отмечалась в Белозерском, спорадически на севере Кадуйского, Череповецкого районов Вологодской области.

Однако в настоящее время опыт работы в диалектологических экспедициях показывает, что языковая ситуация изменилась: с уходом носителей цоканья (как твердого, так и мягкого) резко сузились ареалы, там, где явление было регулярным, стало спорадическим или вообще исчезло. Анализ лингвистических карт Диалектологического атласа русского языка и созданных нами самостоятельно также наглядно свидетельствует об изменении лингвистического ландшафта исследуемых территорий.

Изучение лингвистического ландшафта в синхронном и диахронном аспектах позволяет не только отметить происходящие изменения в географическом и историческом пространстве, но и увидеть закономерности развития языка, отметить подвижность элементов системы. Совместные наблюдения историков и лингвистов, использование разных подходов позволит точнее описать не только функционирование диалектной системы, но и историю повседневности, быта в конкретный хронологический период.

Русский диалектный ландшафт республики Коми[1]

Республика располагается на северо-востоке европейской части Российской Федерации, на Печорской и Мезенско-Вычегодской низменностях, к западу от Уральских гор. Граничит с Ямало-Ненецким и Ханты-Мансийским автономными округами, Свердловской, Архангельской и Кировской областями, Пермским краем. Диалектный ландшафт Республики Коми довольно пестрый. Исторически это территория проживания финно-угорских народов – коми и ненцев. Однако эта земля еще с XIX века известна как место ссылки и исправительных лагерей, лесоповала, активного освоения и обустройство месторождений нефти, газа, угля и проч. Это создало условия для формирования многонационального, неоднородного в языковом отношении ландшафта современной Республики Коми.

Что касается русских, то об этой территории им стало известно примерно с XII в. Сюда приходили торговцы из Великого Новгорода и Суздальско-Ростовского княжества. В XIII в. эти земли входили в состав владений Новгородской республики, в конце XV в. отошли к Московскому княжеству. Первые русские переселенцы, возможно, были в бассейне р. Выми, однако они ассимилировались с коми населением, оставив только в топонимике и антропонимике свои «следы» – села и деревни *Княжий погост, Серёгово, Степановская* и др., фамилии – *Опарины, Киселевы, Москвины, Поповы, Еремеевы* и др.

Русские поселения на земле коми образовались не ранее XVI–XVII вв. Сейчас выделяются два (не равновеликих) русских диалектных «очага» – говоры низовой Печоры (усть-цилемские говоры) и говор села Лойма Прилузского района. И печорские, и лоемский говоры являются так называемыми поздними говорами, сформировавшимися в результате смешения разных севернорусских и, возможно, среднерус-

[1] Автор раздела Т. Н. Бунчук.

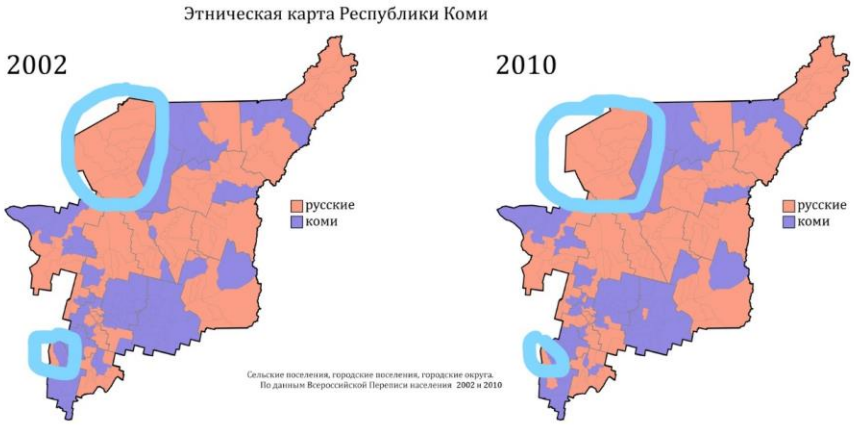
ских (ростово-суздальских и владимирских) говоров. Особое влияние на их формирование оказало иноязычное (коми и ненецкое) окружение.

Русские поселения в бассейне низовой Печоры и ее притоков Нерицы, Цильмы и Пижмы с центром в с. Усть-Цильма возникли в XVI–XVII вв. На формирование особенностей усть-цилемской народной культуры влияние оказали, во-первых, иноэтническое окружение (коми, ненцы), а во-вторых, старообрядческая идеология. Большую часть населения и сейчас составляют староверы Поморского согласия. Это способствовало, с одной стороны, «консервации» архаических языковых явлений, а с другой, заимствованию из неславянских языков (это прежде всего лексики рыболовного, охотничьего и оленеводческого промыслов). Печорские говоры по ряду фонетических и грамматических особенностей близки к Архангельской группе говоров севернорусского наречия, сложившейся на основе древненовгородского диалекта. Им свойственно полное оканье, ёканье, рефлекс ятя, мягкое цоканье, твердые согласные на конце слов, стяженные формы глаголов в форме настоящего времени и прилагательных, грамматическая омонимия окончаний Р. и Д.-П. падежей и т. д.

Первое письменное упоминание Лоймы относится к нач. XVI в. Возможно, что первыми жителями села были коми (лузская пермца), однако уже в XVII в. здесь жили преимущественно русские. Тем не менее и сегодня село Лойма окружено селениями, жителями которых являются коми. Говор Лоймы представляет собой один из диалектных вариантов севернорусского наречия. Некоторые языковые особенности позволяют отнести его к Вологодско-Вятской группе говоров, сложившейся еще в древности, по крайней мере до XV в. Тем не менее говор Лоймы является говором территории относительно позднего заселения и потому может быть квалифицирован как говор вторичного образования. Говору Лоймы свойственно полное оканье, ёканье, рефлекс ятя, альвеолярная (европейская) [l], чоканье, стяженные формы глаголов в форме настоящего времени и прилагательных, грамматическая омонимия окончаний Р. и Д.-П. падежей и т. д. Особое расположение Лоймы (иноязычное окружение), с одной стороны, и тесные, никогда не прекращавшиеся связи с вятскими и архангельскими селениями, прежде всего Лальского и Вилегодского уездов, с другой стороны, создали условия для сохранения уникальных не только русских (восточнославянских) по происхождению, но и общеславянских языковых элементов.

Этническая карта Республики Коми показывает более обширный русский компонент. Однако лингвистический ландшафт представляет собой сложное переплетение языковых стратов – диалектов и, условно говоря, урбанистических региолектов. Города, как известно, «перемалывают» диалектную речь, особенно если это города со смешанным приезжим населением. В республике только один город с историческим урбанистическим прошлым – Сыктывкар. Остальные города и поселки – Воркута, Инта, Ухта, Печора, Усинск, Троицко-Печорск, Микунь – это молодые поселения, образованные в XX веке, со съезжим населением разной национальностей, языком-посредником в которых выступает русский язык. В окрестностях этих городов, в деревнях и селах, проживает коми население, однако, как известно, сельская жизнь характеризуется депрессивным социальным состоянием, и жители сел и деревень массово переезжают в города, где начинают говорить преимущественно по-русски.

Таким образом, русский диалектный ландшафт Республики Коми представляет собой, скорее, вкрапления в языковой ландшафт этой территории, который сформирован из многочисленных коми диалектов и койне городов.



Лингвистический ландшафт мультиязыкового города[1]

Под лингвистическим ландшафтом традиционно понимают «совокупность всех знаков и текстов, которые составляют языковое лицо современных городов»[2], к таким знакам относят официальные и рекламные тексты, а также различные неофициальные надписи. Исследование лингвистического ландшафта полиэтнических городов, таких как Ижевск (Удмуртская Республика) и Казань (Республика Татарстан), безусловно, представляет большой интерес, так как позволяет определить особенности визуализации культурно-языковых связей в пространстве города, который является административным центром субъекта Российской Федерации, а значит, должен отражать языковую политику в регионе.

По данным на 01.01.2021 население Ижевска составляет 646,468 тыс. чел., более половины горожан – русские (58,9 %), около 30 % удмуртов, на третьем месте по численности татары (9,6 %), кроме того, в городе проживают украинцы, белорусы, мари, башкиры, чуваши, евреи, азербайджанцы, узбеки, мордва, немцы, молдаване, казахи, армяне, грузины, киргизы, туркмены, коми, таджики, поляки и представители некоторых других национальностей[3]. В Казани на 01.03.2023 численность населения (постоянных жителей) составляет 1 257 391 человек, национальный состав, согласно последней переписи населения, распределен следующим образом: татары – 668 932 (53,20 %) человека, русские – 499 184 (39,70 %) человека, чуваши – 38 979

[1] Авторы раздела Л. Ф. Килина, Е. И. Колосова.

[2] Павленко А. Языковые ландшафты и другие социолингвистические методы исследования русского языка за рубежом // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2017. Т. 21, № 3. С. 496.

[3] URL: https://www.izh.ru/i/info/14725.html (дата обращения: 15.03.2023).

(3,10 %) и другие национальности (менее 0,5 % каждая)[1]. Таким образом, в языковом ландшафте обоих городов логичнее всего ожидать влияние татарского и удмуртского языков, причем не только потому, что это языки коренных наций республик и государственные языки наряду с русским языком, но и потому, что в Казани большая часть жителей – это татары, а в Ижевске практически третью часть населения составляют удмурты. И действительно примеры такого влияния нетрудно обнаружить среди эргонимов.

Рис. 1. Примеры номинаций в современных городах

Например, в Ижевске можно встретить различные наименования, заимствованные из удмуртского языка: трикотажная фабрика «Сактон» (удм. *сактон* – рассвет) и фирменные магазины с таким же названием, швейная фабрика «Зангари» (удм. *зангари* – василёк), региональный образовательный центр одаренных детей «Тау», онлайн-маркет «Тау-март» (удм. *тау* – спасибо), автошкола «Сюрес» (удм. *сюрес* – дорога, путь, стезя), ресторан «Тыр корка» (удм. *тыр* – сытый, *корка* – дом), кафе «Ошмес» (удм. *ошмес* – источник, ключ, родник), торговый центр «Италмас» (удм. *италмас* – бот. купальница европейская), книжный магазин «Инвис» (удм. *инвис* – горизонт) и др. В то же время подобных названий не так много.

В Казани, напротив, татарский язык при номинации значимых для города объектов используется активно, в связи с чем можно говорить о целенаправленном приобщении населения города к татарскому языку. Например, номинации, появившиеся в конце XX в. и в XXI в.: жилой комплекс комфорт-класса «Яратам» (тат. *яратам* – я люблю), полилингвальный образовательный комплекс «Адымнар» (тат. *адымнар* – шаги), сеть быстрого питания «Тубэтэй» (тат. – тюбетейка), станция метро «Яшьлек» (тат. *яшьлек* – юность), национальный комплекс «Туган Авылым» (тат. *туган авылым* – родная деревня), супермаркеты домашней еды «Бэхетле» (тат. *бэхетле* – счастливый) и др. Стоит отметить, что наименования отдельных объектов инфраструктуры активно используются горожанами в коммуникации и тесно связаны с историей города: названия улиц «Зур Урам» (тат. *зур урам* – большая улица), «Чишмяле» (тат. *чишмяле* – родник), название кафе «Чай йорты» (1969 год) (тат. *чэй йорты* – дом чая), Татарский государственный театр кукол (1934 год) и одно из известных кафе (1970 год) носят название «Экият» (тат. *экият* – сказка). Частотным

[1] URL: https://bdex.ru/naselenie/respublika-tatarstan/kazan/ (дата обращения 15.03.2023).

является использование названий национальной татарской кухни при номинации объектов общественного питания (кафе, ресторанов, столовых): «Катык», «Кыстыбый», «Азу», «Токмач», «Чак-чак» и др. Отмечается частотное использование в составных наименованиях татарских прилагательных (*ак* – белый, *кара* – черный): банк «Ак Барс», хоккейная команда «Ак Барс», кафе «Ак каен» (белая береза), парк «Ак чэчеклер» (белые цветы), банк «Кара Алтын» (черное золото), улица «Каратау» (черная гора). Некоторые номинации признаются настолько удачными, что их широко используют, например, ресторан «Акчарлак» (тат. *акчарлак* – чайка) был открыт в начале 1980-ых гг. и по сути являлся визитной карточкой одного из районов города, но здание было снесено в 2010 году, а в 2014 году в этом же районе был создан жилой комплекс «Акчарлак». В 2013 году в Казани проходила Всемирная универсиада, и одним из спортивных объектов стал плавательный бассейн «Акчарлак».

Примечателен тот факт, что раньше в Ижевске можно было увидеть двойные названия торговых и бытовых учреждений, например, «Хлеб – нянь», «Молоко – йол» и т. п., однако в 90-х годах XX в. двойные названия с вывесок города в основном исчезли, а «за последние 20 лет не появилось практически ни одного нового городского топонима с удмуртским названием, который был бы на слуху у всех жителей города Ижевска»[1]. В Казани по-прежнему можно встретить такие наименования на двух языках: «Столовая – Ашханэ», «Ашамлыклар – Продукты», «Китаплар – Книги», «Аптека – Даруханэ». Однако чаще подобные единицы используются в наименованиях отделов супермаркетов «Хлеб – Икмэк», «Молоко – Сөт» и под. (в Ижевске примеры таких двойных наименований отделов встречаются редко). Вытеснение национальных языковых элементов лингвисты объясняют экспансией американизмов, по причине которой долгое время предпочтение отдавалось англоязычным названиям. В связи с этим появляются и новые наименования, интерес вызывают номинации, в которых использован татарский язык, но с латинской графикой как дань последней моде, например, в названии магазинов брендовой одежды «ALGA» (тат. *алга* – вперед), встречаются и гибридные наименования, например, стейк-кафе «ИТLE» (тат. *ит* – мясо, *итле* – мясной). В наименовании общеобразовательной частной организации «Бала-Сити» (детский сад, школа, лагерь), которая была открыта в 2013 году в Казани, явно отражена тенденция к совмещению татарского и английского языков (тат. *бала* – ребенок, англ. *city* – город).

Следует также обратить внимание на то, что переводы русских названий учреждений на удмуртский язык в Ижевске представлены не системно, а иногда и с ошибками. Ярким примером являются новообразования со значением ‘аптека’, которые не соответствуют традиционной словообразовательной модели: «эмъюмни (*эмъюм* ‘лекарство’ + *-ни*, т.е. ‘место лекарства’) и эмъюмни инты (*эмъюм* ‘лекарство’ + *-ни*, т.е. ‘место лекарства’, + *инты* ‘место’)», последнее название – «пример

[1] Воронцова Т. А., Кривова Н. Ф. Удмуртская лексика как источник молодежного сленга в сети интернет // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2015. № 2 (2). С. 352.

семантического плеоназма, который заключается в дублировании семы ‘место’: в словообразовательном суффиксе *-ни* и самостоятельной лексеме *инты* ‘место’»[1].

Влияние татарского языка в Ижевске можно заметить в названии торгового центра «Дуслык» (тат. *дуслык* – дружба), универсального магазина «Кояш» (тат. *кояш* – солнце), но такие примеры единичны. Культурную информацию передает наименование кафе татарской кухни «Сабантуй» (*сабантуй* – национальный народный праздник, посвящённый окончанию весенних работ).

Кроме того, можно отметить и эргонимы с определенным «национальным колоритом», это названия, которые образованы на базе топонимов той или иной страны. В Ижевске довольно много таких примеров: кафе «Туран» (название исторического региона в Центральной Азии, а также название города на севере Республики Тыва, в принципе очень популярное название различных объектов в Казахстане, Азербайджане, Узбекистане), кафе «Дербент» (город в Дагестане), ресторан грузинской кухни «Тифлисъ» (старое название города Тбилиси) и др. Подобные примеры встречаются и в столице Татарстана: рестораны «Древняя Бухара», «Самарканд», «Пекин», «Тифлис», «Баку» и др. Очень популярны в обоих городах названия ресторанов или кафе, по которым можно сразу определить тип предлагаемой национальной кухни: «Хинкалыч», «Хинкальная под парусом», «Восточная околица», «Кинза», «Дак и Чо» (удмуртская шаурма), «Кебаб сити» (Ижевск), «Мацони», «Сулугуни», «Хачапури тетушки Марико», «Корчма Млин», «Pho Bo» (Фобошная) (Казань) и под. В некоторых случаях в названиях используются женские или мужские имена тюркского происхождения, например, кафе «Малика», кафе «У Гусейна» (Ижевск), ресторан «Тимерхан», кафе «Сююмбике» (Казань).

Таким образом, можно отметить, что лингвистический облик современного города представляет собой пеструю мультиязыковую картину в области номинации значимых объектов городской инфраструктуры, которая проявляется прежде всего в параллельном использовании двух государственных языков национальных республик, а также во внедрении гибридных наименований и включении названий на английском языке. Однако в лингвистическом ландшафте столицы Удмуртии влияние языка коренной нации проявляется в малой степени, что обусловлено несколькими факторами, в том числе размером данного населенного пункта и языковой ситуацией в республике.

Природный ландшафт и литературный пейзаж: к проблеме перевода[2]

Произведения искусства в целом и художественной литературы в частности несут в себе элементы реально-существующих событий и ладшафтов и могут быть рассмотрены как отражение объективной реальности посредством творческого сознания автора. Их восприятие позволяет реконструировать окружающий мир, прежде всего, его пространственную составляющую, воссоздать образ территории в со-

[1] Стрелкова О. Б. Особенности словообразования в современном удмуртском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики Philology. Theory & Practice. 2022. Т. 15, вып. 7. С. 2230.

[2] Автор раздела Н. Л. Фишер.

знании читателя средствами языка. В связи с этим интересным для исследования представляется анализ моделирования ландшафта в произведениях В. И. Белова, В. И. Астафьева[1] и возможностях их перевода на немецкий язык. Опираясь на теорию лингвистической относительности Беньямина Уорфа, изложенную в его работе "Language, Thought, and Reality" (1956), следует учитывать, что «мир предстает перед нами как калейдоскопический поток впечатлений, который должен быть организован нашим сознанием, а это значит в основном – языковой системой, хранящейся в нашем сознании»[2].

Природные ландшафты Тимонихи Харовского района Вологодской области и Овсянки Красноярского края соотносимы – детерминированы наличием лесных массивов, водоемов, суровым климатом и как следствие – признак зависимости жителей от природы. Оседлый образ жизни, малая (почти отсутствующая) мобильность крестьян обуславливают устойчивость, традиционность именований отдельных составляющих пространства, их детальность, сегментированность, а также ограниченность ближайшим окружением места жительства. Природа немецкоязычных территорий сравнима с русскими, однако языковая система отражает историческое развитие экономики народа, где кочующие германские племена позднее осваивают территории как место оседлой хозяйственной деятельности и в форме хуторов.

К пространственным характеристикам относятся:

Именования географических объектов: лес, поле, река **– и их составляющие:** опушка, поляна, луговинка, лывистые берега, урочище, чапыжник. В то время как крупные ландшафтные единицы легко поддаются переводу:

«А **лес** и взаправду возмущенно, таинственно обволакивал своим шумом... – In der Tat umhüllte der **Wald**, erzürnt, geheimnisvoll, mit seinem Rauschen ... »

«Солнцем залило всю **речную впадину лесной опояски**. – Wo sich der **Waldstreifen, sacht abfallend, dem Fluss zu senkte**, schwamm alles in den Strahlen der aufgehenden Sonne», – то более детализированные названия географических местностей перевести сложнее:

«От **займища** начинался большой **лес**. – Hinter der **Flußniederung** kam ein großer **Wald**.» ***Займище*** || ср. стар. место, занятое под распашку, расчистку; кулига; *костр.*

[1] В данной части статьи будут представлены цитаты из произведений: Астафьев В. Конь с розовой гривой. Москва: Детская литература, 1975. 190 с. Astafjew V. Das Pferd mit der rosa Mähne. Der Kinderbuchverlag Berlin, DDR 1979, 170 S. Aus dem russischen von Charlotte Kossuth; Белов В. Кануны: Хроника конца 20-х годов. Москва: Современник, 1989. 464 с. Below W. Vorabende. Nordrussische Chronik 1928. Aus dem Russischen von Erich Arndt. Suhrkamp Taschenbuchverlag, 1987; Белов В. Привычное дело. Архангельск: Северо-Западное книжное издательство, 1976. Wassili Below, Sind wir ja gewohnt. Aufbau-Verlag Berlin und Weimar, übersetzt von Hilde Angarowa 1978.

[2] Цит. по: Даниленко В. П. Языковая картина мира в концепции Л. Вайсгербера. 2002. URL: www.islu.ru/danilenko/articles/vaiskart.htm (дата обращения: 15.03.2023).

вят. отхожие пустоши и лес, занимаемые местами под пашню и покосы. (Даль) / Flußniederung – «равнинные, низменные земли вдоль русел рек и побережий»[1].

Здесь переводчик руководствуется энциклопедическим значением слов, не всегда имея в распоряжении соответствующую лексему. Ярким примером является сложность перевода многих названий для холмистой местности, где русские «холм, лог, яр, склон, волок...» передаются как Hang (склон) и Hügel (холм).

«Бабушка возвратилась от соседей и сказала мне, что левонтьевские ребятишки собираются на **увал** по землянику, и велела сходить с ними. – Großmutter kam von den Nachbarn zurück und sagte mir, Lewontis Kinder gingen auf den **Hang** in die Erdbeeren, ich sollte mitgehen». Увал – «крутой откос, обрыв»[2]; der Hang – «наклонная поверхность, уклон »[3].

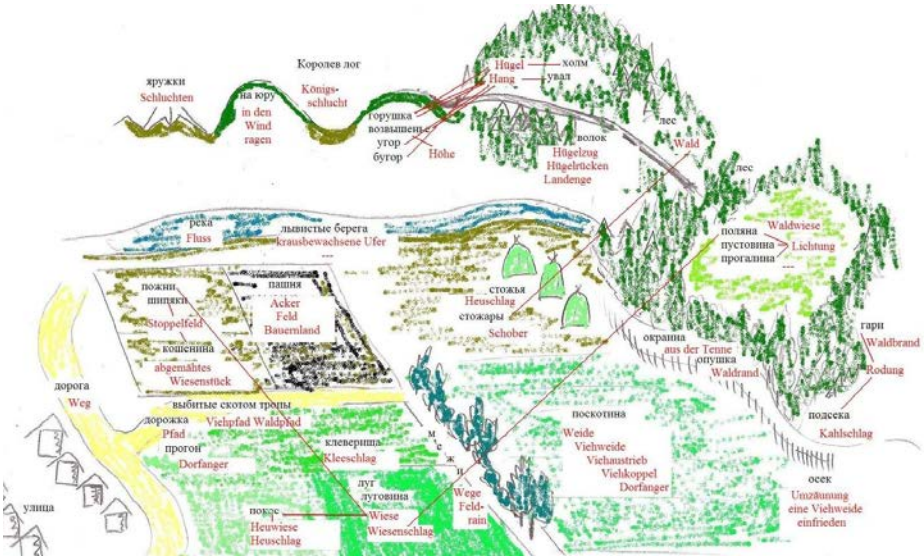


Рис. 2. Схема номинативных обозначений в изучаемых произведениях

Поиск эквивалентов для лексем с диалектным оттенком ориентируется на внетекстовую реальность читателя для экономии сложных описательных структур или сносок, например, когда снег оставался в «чапыжнике», в переводе встречается “Mulde”: Чапыжник – частый кустарник – die Mulde (BS) –«плоское углубление, продолговатый прогиб поверхности земли»[4]. По контексту снег может задержаться в обоих случаях, как в кустарнике, так и в ложбинах, но кустарник нужно дополни-

[1] Geneigte Fläche, Abhang. Здесь и далее представлено толкование в переводной версии по: Gerhard Wahrig: Deutsches Wörterbuch. Bertelsmann Lexikon Verlag, Gütersloh. München, 2001.

[2] Словарь вологодских говоров. Вологда: ВоГУ, 1983–2007. Вып. 1–12.

[3] Geneigte Fläche, Abhang.

[4] Flache Vertiefung, längliche Senkung der Erdoberfläche.

тельно характеризовать и описать. Или другой пример, когда по контексту персонаж запинается/спотыкается о колдобину – (обл.) «выбоина, рытвина, яма с водой» (Ушаков) – в переводе встречается: «die Wurzel, über die er gestolpert war» (BS) – «орган растения, служащий его укреплению и питанию»[1]. Спотыкаться можно в обоих случаях, корень, однако, нагляднее.

Другой пример отражает реальность русского севера: Лывистые берега – от «лыва, лывина, лывка, сев. лужа, мочежина (лива, лить), полой от дождя, разлива, родников. || Вят. лес по болоту. Лывьем ехали, полоями, лужами. Лывное место, полои, заливное». – в переводе: krausbewachsene Ufer –поросший «беспорядочно запутанной» [2] травой берег, где наблюдается упрощение описания и ориентация на ЯКМ читателя, малознакомого с болотистыми берегами рек.

Именования природного пространства, измененного человеком для его хозяйственной деятельности, сложны для перевода вследствие расхождения в размере территории, предоставленной в хозяйственное распоряжение человеку, специфика именований полей (клеверище, пожни, шипяки) и частей леса (гари, подсека, стожья, осек – лесной огород), а также их деления (прозористые межи, межевой чащобник).

При переводе учитываются энциклопедические описания соответствующего именования, а также контекст использования лексемы. В результате, например, для перевода слова «поскотина» – «пастбище, выгон» наряду со сходной по значению лексемой Weide – «поросшая травой площадь, луг, на котором пасется скот»[3] используются Viehaustrieb (выгон скота), Viehkoppel (огороженный участок пастбища[4]), Waldlichtung (лесная поляна), Dorfanger (свободная, поросшая травой площадка в деревне, луг, пастбище), die Waldpflanzung einzäunen (огораживать лесопосадку). Фактически каждая лексема немецкого языка несет часть значения лексемы «поскотина», что делает возможным ее использование. Однако в общем контексте произведения указанные лексемы используются при переводе как в своем прямом значении («поляна, пустовина» – Waldlichtung, Lichtung im Walde), так и для передачи иной части значения (Dorfanger – «по прогону шли коровы»).

Еще одной возможностью для переводчика является использование словосложения с лексемами с объемным или размытым значением: Heu**schlag**, Holz**schlag**, Klee**schlag**, где Schlag имеет оттенки значения «вырубка определенного количества деревьев, освобожденная от леса территория» (лесх.), «поле, предназначенное для определенного с/х растения»[5], что позволяет определить значение по первому компоненту.

---

[1] der Befestigung und der Ernährung diesnendes Pflanzenorgan

[2] kraus – wirr, unordentlich

[3] grasbewachsene Fläche, Weide, auf der Vieh weiden kann

[4] см. Gerhard Wahrig: Deutsches Wörterbuch. Bertelsmann Lexikon Verlag, Gütersloh. München, 2001. S. 768

[5] см. Gerhard Wahrig: Deutsches Wörterbuch. Bertelsmann Lexikon Verlag, Gütersloh. München, 2001. S. 1102.

Специфический деиксис пространства: «тамо тка, туто тка, встречь, супротив, на устороньице у леска, посередь улицы» – заменяется в переводе общеязыковыми элементами, теряет диалектный компонент, унифицируется.

Отраженные в художественном произведении особенности природного ландшафта являются важным элементом языковой картины мира определенного этноса. Связынные с традицией и экономическим опытом они в большей степени несут в себе диалектные элементы, что усложняет задачу перевода их на другие языки.

Пространство предопределено географическими и геологическими особенностями, уточнено характером организации отдельного крестьянского хозяйства и деревенской общины. При переводе с одного языка на другой всегда происходит утрата компонентов значения, что обусловлено, с одной стороны, отличиями в системе языков, а с другой, различиями в картине мира носителей языка оригинала и языка перевода, несовпадение денотативной сферы языка оригинала и языка перевода.

Анализ лингвистического материала подтвердил гипотезу Б. Уорфа о том, что отдельные языки по-разному членят внеязыковую реальность в понятиях и грамматических структурах, что образно можно представить в качестве набрасываемых на переводимый текст сетей с ячейками разной величины, так что отдельные понятия и структуры будут удержаны в тексте перевода, а другие – нет. Что касается территориальных обозначений, было замечено, что более крупные ландшафты имеют переводной эквивалент, в то время как более мелкие и подробные передаются описаниями. Кроме того, ориентируясь на мировосприятие потенциального читателя, переводчик использует сходные по функции, но отличающиеся в денотативном плане, именования, унифицируя и сокращая разнообразие природного ландшафта и его восприятия северным и сибирским крестьянином.

Выводы

Представленные материалы для обсуждения показали серьезные направления для дальнейших исследований в области диалектологии, лингвогеографии и смежных науках. Очевидно, что сохраняются классические подходы к изучению ареалов распространения диалектных явлений, однако использование новых методов и приемов позволяет по-новому интерпретировать имеющийся материал, проследить этапы функционирования языковых явлений на разных территориях, понять, как взаимодействуют и сосуществуют языковые реалии в едином географическом пространстве.

Список источников

Аванесов Р. И. О двух аспектах предмета диалектологии // Общеславянский лингвистический атлас : материалы и исследования. Москва: Наука, 1965. С. 24–35.

Бунчук Т. Н. Языковой портрет говора села Лойма Прилузского района Республики Коми // Научный диалог. 2014. № 4 (28): Филология. С. 6–29.

Вежбицка А. Язык, культура, познание. Москва, 1996. 416 с.

Вендина Т. И. Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм). Москва, 1998. 239 с.

Воронцова Т. А., Кривова Н. Ф. Удмуртская лексика как источник молодежного сленга в сети интернет // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2015. № 2 (2). С. 352–355.

Говоры Республики Коми и сопредельных областей: сборник материалов и исследований / ответственный редактор Т. Н. Бунчук. Сыктывкар: СГУ им. Питирима Сорокина, 2018. 180 с.

Даниленко В. П. Языковая картина мира в концепции Л. Вайсгербера. 2002. URL: www.islu.ru/danilenko/articles/vaiskart.htm (дата обращения: 01.03.2023).

Жеребцов И. Л. Где ты живешь: Населенные пункты Республики Коми. Историко-демографический справочник. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1994. 580 с.

Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. Москва: Языки русской культуры, 1995. 872 с.

Ильина Е. Н., Ганичева С. А. Основы лингвистической географии Вологодской области: учебно-методическое пособие. Вологда: ВГПУ, 2012. 44 с.

Павленко А. Языковые ландшафты и другие социолингвистические методы исследования русского языка за рубежом // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2017. Т. 21, № 3. С. 493–514.

Сороколетов Ф. П., Кузнецова О. Д. Очерки по русской диалектной лексикографии. Ленинград, 1987. 232 с.

Стрелкова О. Б. Особенности словообразования в современном удмуртском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики Philology. Theory & Practice. 2022. Т. 15, вып. 7. С. 2228–2231.

Удмуртско-русский словарь / ответственный редактор Л. Е. Кириллова. Ижевск, 2008. 925 с.

Федорова Л. Л. Языковой ландшафт: город и толпа // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2014. Т. 13, вып. 6: Журналистика. С. 70–80.

Филин Ф. П. Проект «Словаря русских народных говоров». Москва; Ленинград: Академия наук СССР, 1961. 303 с.

Шункеева С. А., Жанкина Б. Ж. Лингвистический ландшафт как объект социолингвистических исследований города // Вестник инновационного Евразийского университета. 2020. № 3 (79). С. 18–23.

Этническая карта Республики Коми // Республика Коми. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A0%D0%B5%D1%81%D0%BF%D1%83%D0%B1%D0%BB%D0%B8%D0%BA%D0%B0_%D0%9A%D0%BE%D0%BC%D0%B8 (дата обращения: 20.03.2023).

References

Avanesov R. I. O dvukh aspektakh predmeta dialektologii [On two aspects of the dialectology subject]. *Obshcheslavianskii lingvisticheskii atlas: materialy i issledovaniia* [All-Slavic linguistic atlas: proceedings and studies]. Moscow: Nauka, 1965, pp. 24–35.

Bunchuk T. N. Iazykovoi portret govora sela Loima Priluzskogo raiona Respubliki Komi [Linguistic portrait of the dialect of the Loima village in the Priluzsky district of the Komi Republic]. *Nauchnyi dialog* [Scientific dialogue], 2014, no. 4 (28), pp. 6–29.

Danilenko V. P. *Iazykovaia kartina mira v kontseptsii L. Vaisgerbera* [Linguistic picture of the world in the concept of L. Weisgerber], 2002. URL: www.islu.ru/danilenko/articles/vaiskart.htm (accessed: 01.03.2023).

Etnicheskaia karta Respubliki Komi [Ethnic map of the Komi Republic]. *Respublika Komi* [The Komi Republic]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A0%D0%B5%D1%81%D0%

BF%D1%83%D0%B1%D0%BB%D0%B8%D0%BA%D0%B0_%D0%9A%D0%BE%D0%BC%D0%B8 (accessed: 20.03.2023).

Fedorova L. L. Iazykovoi landshaft: gorod i tolpa [Linguistic landscape: city and crowd]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Istoriia, filologiia* [Vestnik NSU. Series: History and Philology], 2014, Vol. 13, iss. 6, pp. 70–80.

Filin F. P. *Proekt «Slovaria russkikh narodnykh govorov»* [Project "Dictionary of Russian folk local dialects"]. Moscow; Leningrad Akademiia nauk SSSR, 1961. 303 p.

Govory Respubliki Komi i sopredel'nykh oblastei: sbornik materialov i issledovanii [Local dialects of the Komi Republic and neighboring regions: proceedings and study materials; ed. by T. N. Bunchuk]. Syktyvkar: SGU im. Pitirima Sorokina, 2018. 180 p.

Il'ina E. N., Ganicheva S. A. *Osnovy lingvisticheskoi geografii Vologodskoi oblasti* [Fundamentals of linguistic geography of Vologda region]. Vologda: VGPU, 2012. 44 p.

Pavlenko A. Iazykovye landshafty i drugie sotsiolingvisticheskie metody issledovaniia russkogo iazyka za rubezhom [Linguistic landscape and other sociolinguistic methods in the study of Russian language abroad]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriia: Lingvistika* [Russian Journal of Linguistics], 2017, vol. 21, no. 3, pp. 493–514.

Shunkeeva S. A., Zhankina B. Zh. Lingvisticheskii landshaft kak ob"ekt sotsiolingvisticheskikh issledovanii goroda [Linguistic landscape as an object of sociolinguistic studies of a city]. *Vestnik innovatsionnogo Evraziiskogo universiteta* [Bulletin of the Innovative University of Eurasia], 2020, no. 3 (79), pp. 18–23.

Sorokoletov F. P., Kuznetsova O. D. *Ocherki po russkoi dialektnoi leksikografii* [Essays on Russian dialect lexicography]. Leningrad, 1987. 232 p.

Strelkova O. B. Osobennosti slovoobrazovaniia v sovremennom udmurtskom iazyke [Features of word formation in the modern Udmurt language]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], 2022, vol. 15, iss. 7, pp. 2228–2231.

Udmurtsko-russkii slovar' [Udmurt-Russian dictionary; ed. by L. E. Kirillova]. Izhevsk, 2008. 925 p.

Vendina T. I. *Russkaia iazykovaia kartina mira skvoz' prizmu slovoobrazovaniia (makrokosm)* [Russian linguistic picture of the world through the prism of word formation (macrocosm)]. Moscow, 1998. 239 p.

Vezhbitska A. *Iazyk, kul'tura, poznanie* [Language, Culture, Cognition]. Moscow, 1996. 416 p.

Vorontsova T. A., Krivova N. F. Udmurtskaia leksika kak istochnik molodezhnogo slenga v seti internet [Vocabulary of the Udmurt language as a source of youth Internet slang]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo* [Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod], 2015, no. 2 (2), pp. 352–355.

Zalizniak A. A. *Drevnenovgorodskii dialekt* [Old Novgorod dialect]. Moscow: Iazyki russkoi kul'tury, 1995. 872 p.

Zherebtsov I. L. *Gde ty zhivesh': Naselennye punkty Respubliki Komi. Istoriko-demograficheskii spravochnik* [Where you live: settlements of the Komi Republic. Historical and demographic guide]. Syktyvkar: Komi knizhnoe izdatel'stvo, 1994. 580 p.

Сведения об авторах

Елена Николаевна Ильина – доктор филологических наук, профессор, filfak@list.ru, https://orcid.org/0000-0002-1797-8959, Вологодский государственный университет (Вологда, Россия, ул. Ленина, 15); **Elena N. Ilyina** – Doctor of Philological Sciences, Professor of the Department of the Russian Language, Journalism and Theory of Communication, filfak@list.ru, https://orcid.org/0000-0002-1797-8959, Vologda State University (15, ul. Lenina, 160000 Vologda, Russia).

Ольга Николаевна Крылова – кандидат филологических наук, ученый секретарь; https://orcid.org/0000-0002-6887-4316, krylova_olga2004@mail.ru, Институт лингвисти- ческих исследований РАН (д. 9, Тучков переулок, 199053 г. Санкт-Петербург, Россия); **Olga N. Krylova** – Candidate of Philological Sciences, Scientific secretary; https://orcid.org/0000-0002-6887-4316, krylova_olga2004@mail.ru, The Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences (9, Tuchkov pereulok, 199053 St Petersburg, Russia).

Наталия Георгиевна Мельникова – кандидат филологических наук, доцент; https://orcid.org/0000-0003-0108-9206, ngmelnikova@chsu.ru, Череповецкий государственный университет (д. 5, пр-т Луначарского, 162600 г. Череповец, Россия); **Nataliya G**. **Melnikova** – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor; https://orcid.org/0000-0003-0108-9206, ngmelnikova@chsu.ru, Cherepovets State University (5, pr Lunacharskogo, 162600 Cherepovets, Russia).

Татьяна Николаевна Бунчук – кандидат филологических наук, доцент, https://orcid.org/0000-001-7597-2726, tnbunchuk@mail.ru, Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина (д. 55, пр-т Октябрьский, 167000 Сыктывкар, Россия); **Tatyana N. Bunchuk** – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, https://orcid.org/0000-001-7597-2726, tnbunchuk@mail.ru, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University (55, pr. Oktiabr'skii, 167000 Syktyvkar, Russia).

Лилия Фаатовна Килина – кандидат филологических наук, доцент, https://orcid.org/0000-0001-5001-1822, kilin_74@mail.ru, Удмуртский государственный университет (д. 1, ул. Университетская, 426034 Ижевск, Россия); **Lilia F. Kilina** – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor; https://orcid.org/0000-0001-5001-1822, kilin_74@mail.ru, Udmurt State University (1, ul. Universitetskaia, 426034 Izhevsk, Russia).

Елена Ивановна Колосова – кандидат филологических наук, доцент, https://orcid.org/0000-0002-3813-9978, hkolosova@yandex.ru, Казанский (Приволжский) федеральный университет (д. 1/37, ул. Профессора Нужина, 420111 Казань, Татарстан, Россия); **Elena I. Kolosova** – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor; https://orcid.org/0000-0002-3813-9978, hkolosova@yandex.ru, Kazan (Volga Region) Federal University (1/37, ul. Professora Nuzhina, 420111 Kazan, Tatarstan, Russia).

Наталья Львовна Фишер – кандидат филологических наук, доцент; https://orcid.org/0000-0002-0227-8335, tascha5@yandex.ru, преподаватель международной языковой школы Alpha Aktiv (2, Ханс-Бёклер-Штрассе, 69115 Гейдельберг, Германия); **Natalya L. Fisher** – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor; https://orcid.org/0000-0002-0227-8335, tascha5@yandex.ru, Teacher at Alpha Aktiv International Lan-guage School (2, Hans-Böckler-Strasse, 69115 Heidelberg, Germany).

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 25.04.2023; принята к публикации 29.06.2023.
The article was submitted 25.04.2023; Accepted for publication 29.06.2023.